

Слушая слова Шэнь Цзина, те, кто только что усердно льстили Чжао Ину, тут же гневно уставились на него.

Хотя они действительно подлизывались к Чжао Ину, нельзя же было говорить об этом прямо!

Все они здесь люди образованные и утонченные, неужели у них нет чувства собственного достоинства?

— Чичи, скорее отведи его, пусть примет лекарство! — Сун Ляньсинь сдержала усмешку и с деланным отчаянием покачала головой. — Разве ты не знаешь, что он совершенно не умеет играть на цитре? Не позволяй ему нести здесь чепуху! Когда он выставит себя на посмешище, то наверняка снова начнет винить нас.

Разве она не знала Шэнь Цзина?

Если заставить его сочинять стихи, он еще кое-как справится.

Но что касается музыки — тут Шэнь Цзин был полным невеждой!

Чичи промолчала, лишь слегка дернула Шэнь Цзина за край одежды.

Она знала: Шэнь Цзин действительно ничего не смыслит в музыке.

Не говоря уже о такой дряни, как Сун Ляньсинь, даже она сама считала, что Шэнь Цзин сейчас несет бред.

— Играть на цитре я, может, и не умею, зато владею другими инструментами! — невозмутимо заявил Шэнь Цзин, оглядывая присутствующих. — Никто не уходит, я скоро вернусь!

С этими словами он быстро зашагал вниз.

Еще когда он поднимался сюда, то заметил, что в этой музыкальной лавке есть и суона.

Чичи, ничего не понимая, поспешила следом.

Остальные решили, что Шэнь Цзин просто сбежал, и, глядя на его упрямый вид перед уходом, не смогли сдержать насмешливого смеха.

Мозги у него точно пропитались водой!

Настоящий сумасшедший!

Су Южун, скрытая за занавесями, опустила взгляд, в ее глазах мелькнуло сочувствие.

Если бы она не разговаривала с Шэнь Цзином утром, то, пожалуй, тоже подумала бы, что с ним что-то не так.

Как раз когда Су Южун собиралась остановить хохочущую толпу, Шэнь Цзин, топая, вбежал обратно.

В руках он держал большую суону.

Увидев инструмент, люди снова разразились смехом.

— Мы здесь собрались, чтобы музицировать на цитрах, зачем он притащил суону?

— Похоже, с головой у Шэнь Цзина действительно беда.

— Будь кто угодно на его месте, наверное, тоже стал бы таким безумцем.

— Может, он притворяется сумасшедшим, чтобы сбежать от реальности...

Люди насмешливо смотрели на Шэнь Цзина, словно на клоуна.

Впрочем, нашлись и те, кто одарил его сочувственным взглядом.

Шэнь Цзин не обращал ни малейшего внимания на насмешки и направился прямо к Сун Ляньсинь:

— Это мелодия, которую я сочинил специально для тебя, слушай внимательно!

— К чему это всё? — Сун Ляньсинь притворно вздохнула, но в душе лишь презрительно усмехнулась.

Звуки, которые издаст Шэнь Цзин, наверняка будут напоминать вой призраков и лишь оскорбят её слух.

Даже десяток таких, как Шэнь Цзин, не сравнятся с Чжао Ином ни в чем!

Шэнь Цзин не стал тратить время на разговоры и сразу заиграл Великие похороны.

Та-та...

Звук суоны медленно поплыл в воздухе.

Сначала все ждали, что Шэнь Цзин снова опозорится.

Но по мере того, как раздавались низкие, протяжные звуки, на лицах многих появилось изумление.

Шэнь Цзин и правда умеет играть на суоне?

Всего несколько нот — и в мелодии появилась какая-то особая глубина.

Звук суоны, конечно, уступал нежному перебору струн цитры.

Но в этой композиции он звучал так...

Уместно.

Да, именно уместно!

Так печально, так гнетуще.

Слушая это, невольно чувствуешь, как сжимается сердце, хочется плакать.

В каком-то забытии им представился одинокий человек, стоящий на холодном осеннем ветру — такой жалкий и опустошенный.

Су Южун тихо слушала, мысленно вздыхая.

Это... похоже на истинное отражение судьбы самого Шэнь Цзина?

На лицах Сун Ляньсинь и Чжао Ина исчезло презрение.

Чжао Ин нахмурился и, с сомнением посмотрев на Сун Ляньсинь, прошептал:

— Ты же говорила, что он не смыслит в музыке? Разве такое может сыграть человек, далекий от искусства?

Хотя Шэнь Цзин играл на суоне, а он на цитре, но по силе воздействия эта мелодия уже затмевала его выступление!

Главное, они никогда раньше не слышали такой музыки!

Это означало, что, скорее всего, Шэнь Цзин сочинил её сам.

А он исполнял лишь то, что было написано великими мастерами прошлого.

Сравнив эти два факта, не выходит ли, что Шэнь Цзин втоптал его в грязь?

— Я правда не знала, что он умеет играть на суоне! — нахмурилась Сун Ляньсинь и добавила с пренебрежением: — На суоне играют только люди низкого происхождения. Как бы высоко он ни задрал планку, это всё равно не уровень высшего общества, с тобой ему не сравниться! Похоже, он просто хочет вызвать жалость этой мелодией!

Чжао Ин подумал и согласно кивнул.

Вызвать жалость?

Кто же его пожалеет!

Все лишь сочтут его посмешищем!

Пока они шептались, многие в зале тоже начали обмениваться мнениями.

— Хорошая мелодия, от неё почему-то хочется плакать.

— По-моему, он выражает этой музыкой свою тоску по Сун Ляньсинь.

— Дошел до такой жизни, а всё еще пытается тронуть её сердце?

— Шэнь Цзин, конечно, преданный человек, вот только сам из себя ничего не представляет...

Люди перешептывались, и чем дольше они слушали, тем тяжелее становилось на душе.

Не успели они опомниться, как у некоторых на глазах выступили слёзы.

Чжао Ин тоже уловил в музыке нотки тоски, бросил на Шэнь Цзина презрительный взгляд и, подобно властному господину, обнял Сун Ляньсинь за талию, вызываясь глядя на соперника.

Его взгляд говорил: как бы ты ни пресмыкался, она всё равно останется моей женщиной!

Сун Ляньсинь прильнула к Чжао Ину и, подняв глаза на самозабвенно играющего Шэнь Цзина, лицемерно произнесла:

— Шэнь Цзин, хватит играть, мне становится не по себе! Я знаю о твоих чувствах, но дела сердечные нельзя заставить подчиниться...

Сердечные дела, чтоб тебя!

Шэнь Цзин не нашел, что ответить, и просто продолжал играть.

Сун Ляньсинь, притворно вздохнув, опустила голову и вытерла слезы, втайне торжествуя из-за своей неотразимости.

Пусть Шэнь Цзин несет всякую чушь, в конце концов, он всё равно не может её забыть, верно?

Жаль только, что она никогда на него не посмотрит!

Более того, она надеялась, что он скорее умрет!

Тогда никто больше не будет попрекать её тем, сколько денег он потратил на клан Сун.

— Господин Ли, почему вы плачете? — один из эрудитов обратился к соседу, чье лицо было мокрым от слёз.

Ли Чжао вытер глаза, полный скорби:

— Не знаю почему, но, услышав эту мелодию, я внезапно вспомнил свою прабабушку, которая скончалась много лет назад...

— А я вспомнил свою мать, которая умерла несколько лет назад от болезни... — эхом отозвался другой эрудит с влажными глазами.

Не только они — многие испытывали то же самое.

Слушая эту музыку, они невольно вспоминали своих усопших родных.

Звук суоны обладал невероятной пронзительностью.

Музыка донеслась до улицы, заставив прохожих столпиться у входа в лавку.

— У кого тут кто-то умер?

— Почему на похоронах даже траурных знамен не вывесили?

— Какие похороны? Это же музыкальная лавка, а не похоронное бюро!

— А? Никто не умер? Зачем тогда играть похоронную музыку?

Простые прохожие указывали пальцами на здание.

Услышав шум снаружи, молодой эрудит, стоявший у окна, очнулся от наваждения и высунулся наружу, прислушиваясь к тому, что обсуждают люди.

Неужели эти неграмотные простолюдины тоже разбираются в музыке?

Однако, вслушавшись, эрудит почувствовал неладное.

Постойте...

Похоронная музыка?

Он нахмурился, снова вслушиваясь в звуки суоны.

— Похоронная музыка! — внезапно прозрел он и, обернувшись, закричал на весь зал: — Это похоронная музыка! Это похоронная музыка!

<http://bllate.org/book/24513/2875293>